

Где и когда встретились эти молодые люди, вам знать вовсе не обязательно. Важно лишь знать, что встретились они совсем недавно и теперь шли рядом по тихой городской улице. Сентябрьский вечер был необыкновенно хорош. Весь день шел дождь, и солнце выглянуло только перед самым заходом – забежало проститься, – и теперь над низкими заборами сквозь блестящую листву мелькал его розовый след. По мокрому асфальту скользили недавно зажженные фонари.

– Какой вечер! Какой воздух! Я даже не знаю... Мне хочется сделать сейчас какую-нибудь глупость! – Девушка остановилась и, повернувшись к молодому человеку, продолжала шутливо и капризно: – Почему вы молчите? В такой вечер неприлично молчать. В такой вечер надо говорить красивые и возвышенные вещи. И в самом деле, настроение у нее было если не возвышенное, то возбужденное, отчего она, хорошенькая и без того, делалась еще привлекательней. Никитин, так звали ее собеседника, улыбнувшись и смутившись, проговорил:

– Я не поэт, Лиля... Но если вы хотите... По лицу Лили скользнула неуловимая улыбка. Так может говорить только влюбленный, и, точно, Никитин уже был серьезно, беспросветно влюблен. Никитин – студент, веселый, живой юноша, светловолосый и голубоглазый. Беспечный владелец бесценных сокровищ молодости, он не гонялся еще за счастьем сам, а наступал ему на пятки нечаянно. Встречу с Лилей он считал первой удачей своей жизни, второй удачей для него было бы поцеловать ее. Никитина нетрудно понять, стоит только увидеть эту девушку. Волосы ее могли растрогать, глаза взволновать, улыбка оживить камень и произвести впечатление даже на мрачного сотрудника бракоразводного отдела. Улицу пересекала другая – многолюдная, шумная, с трамвайной линией и с вереницей легковых машин. Никитин свернул было на нее, но Лиля вдруг сказала:

– Не хочу сюда. Знаете что? Сядем сейчас в трамвай и поедем куда-нибудь на окраину, в незнакомое место, там сойдем и вернемся пешком. Что, легкомысленно?!

– Не очень, – ответил Никитин. – Я предлагаю на край света. Но на трамвайной

остановке собралась толпа, численностью напоминающая скопление поганых под древним Киевом, и Никитин остановил такси, за что Лиля остановила на нем взгляд, полный признательности и внимания. Шофер, пожилой мужчина в ученической фуражке и с сигаретой в зубах, спросил не оборачиваясь:

– Куда?

– До Дерибасовской, – сказал счастливый Никитин. Дерибасовской в этом городе никогда не было. Шофер повернулся, взглянул на Никитина, рассмотрел улыбающуюся Лилю, но ничего не сказал и тронул машину.

– Давай за город! – пояснил Никитин.

Машина пристроилась к цепочке «Москвичей» и «Побед», медленно миновала два перекрестка, свернула на третьем и стала набирать скорость. На улицах света становилось все меньше и меньше, мимо скользнул последний огонек какой-то сторожки, и машина выскочила на пустое и ровное шоссе, рассекающее темный ночной лес. Никитин не отрываясь смотрел Лиле в лицо. Неизвестно когда появившаяся луна стремительно прыгала по верхушкам ближних деревьев, резала их темные силуэты или летела по воздуху. Лиля следила за ней, широко раскрыв глаза, с каким-то наивным вниманием, и по лицу ее то и дело бешено струились тени. Шоссе чуть свернуло в сторону, луна стала отставать. Лиля, чтобы видеть ее, невольно потянулась в сторону Никитина, и тот, не в силах уже больше выдержать, взял ее за плечи и два раза поцеловал в губы.

– Разверните машину! – звонким, срывающимся от негодования и обиды голосом скомандовала Лиля. Шофер усмехнулся и сбавил ход.

– Вы слышали? – повторила Лиля.

– Лиля, послушайте... – тихо начал Никитин.

– Я с вами больше не разговариваю, – быстро перебила она, – я вас больше не знаю.

Шофер остановил машину, повернулся и, нагло подмигнув Никитину, заговорил:

– Было у меня несколько таких случаев, так некоторые девочки пешком отсюда, извините за выражением, топали...

– Ах, вот как! Откройте дверцу! И Лиля, вдруг всхлипнув, попыталась открыть замкнутую с ее стороны дверцу.

– Разворачивайся! – грубо приказал Никитин.

– Пропустите меня. Я сойду, – сказала Лиля, обращаясь к Никитину. Хотя в глазах у нее светились слезы, она сказала это гордо и надменно. Но машина уже разворачивалась, а Никитин сидел не шевелясь и глядел прямо перед собой. Обратную дорогу весь экипаж хранил мрачное молчание, если не считать того, что Никитин указывал дорогу до Лилиного дома. Выйдя из машины, Лиля молча направилась во двор. Никитин бросился за ней.

– Эй, парень! А заплатить! – испуганно залопотал шофер.

– Жди здесь! – крикнул Никитин. Он догнал Лилю и очутился в классической позиции влюбленного – между возлюбленной и дверью.

– Пустите меня, – сказала Лиля строго. – Вы ужасный человек. Мы едва еще знакомы, и вы... Пустите меня, я не хочу вас видеть.

– Не пущу, – заявил Никитин с отчаянием, – не пущу до тех пор, пока вы не скажете, что не сердитесь.

– Идите, вас ждет шофер, – сухо отвечала Лиля.

– Он будет ждать до тех пор, пока вы не скажете, что не сердитесь на меня, – запальчиво сказал Никитин.

– В таком случае вы будете разорены... Диалог затянулся на полтора часа. Никитин говорил о том, что не хотел обидеть Лилю, что все вышло помимо его воли, объяснился между прочим в любви и продолжал «осаду крепости» с соответствующими случаям отчаянием и упорством. Лиля говорила о том, что еще никто в жизни с ней так не обращался и что она, наверное, никогда не простит Никитину эту грубость, а себе глупость и легкомыслие, с которыми она села в машину. Два раза в воротах появлялся шофер, кричал: «Эй, парень!» – и, неслышно ругаясь, исчезал. Появившись в третий раз, он крикнул: «Не меньше полбумаги», – и погрозил пальцем.

– Идите, идите, – все еще насмешливо сказала Лиля. – Вы пустите себя по миру, а потом будете обвинять меня...

– Вам не надоело? – кипятился Никитин. – При чем здесь шофер и его такси? Я могу оплатить в таком случае самолет. Ясно это вам? Вы мерзнете – это другое дело. Скажите, что вы простили мне... и я уйду.

– Хорошо. Я все скажу завтра вечером. И она насмешливо добавила:

– Только не приезжайте, пожалуйста, на такси. Таким образом можно вырвать даже признание в любви.

– До свиданья!

– До свиданья! – послышалось уже за дверью. Шофер нетерпеливо прохаживался вдоль машины.

– Едем ко мне... или лучше к моим друзьям. Там расплатимся, – весело сказал Никитин и, с силой захлопнув дверцу, добавил: – Погоняй! Назавтра было воскресенье, и Лиля с утра ушла гостить к своей тете, которая жила на окраине города. Там, помогая поливать капустные грядки, Лиля со всеми подробностями описала вчерашний вечер.

– Нахал, – заключила добродушная Надежда Ивановна, – самый натуральный нахал. Неделю как знаком с девушкой – и уже такие штуки... Надежда Ивановна была женщиной пожилой, одинокой и доброй. Больше всего на свете она любила племянницу, чай с малиновым вареньем и разговоры о нравственности.

– Таких, милая, гнать надо, – продолжала она. – Он случайно не Эдик? Мне почему-то кажется, что все Эдики ходят в узких штанах и все – негодяи. Ты, Лиля, будь начеку, ты совсем еще ребенок. Ты можешь наделать массу глупостей... После обеда Лиля уснула на большой, как стол для игры в пинг-понг, кровати Надежды Ивановны. Ей приснился вчерашний водитель такси. Он пришел к крыльцу ее дома с букетом цветов и, смущенно улыбаясь, бормотал какие-то нежности. Лиля проснулась и рассмеялась. Тотчас же в спальню вошла Надежда Ивановна.

– Ты уже не спишь? Ну, давай пить чай. И пригласим парня...

– Какого еще парня?

– А вон во дворе колет дрова. Тут недалеко живет студент. После обеда приходит и говорит: «Это вам, кажется, требуется дровосек?» Как же: мне давно требуется – привезли два кубометра чурок, кому у меня их колоть? Парень скромный, хороший, не какой-нибудь Эдик. Сколько, спрашиваю, за работу. Не знаю, говорит, сколько дадите.

Глупости

Добавил(а) Александр Вампилов

12.04.10 12:29 - Последнее обновление 14.04.10 20:50

Я человек гуманный, мне бы, говорит, порезвиться. И вот уже три часа резвится.

Они вышли в другую комнату, окна которой выходили во двор. Посреди двора без рубахи стоял Никитин и махал тяжелым колуном. На его широких загорелых плечах играли солнечные зайчики. Лиля вспыхнула и спряталась за Надежду Ивановну.

– Вот парень! Не то что катаются там всякие на такси, – не унималась старуха.

– Не надо его звать пить чай, – еле слышно сказала Лиля.

– Как знаешь, – проговорила Надежда Ивановна и ушла в кухню. Прислонившись к подоконнику, Лиля продолжала смотреть во двор... Вечером Никитин и Лиля снова бродили по красивым и тихим улицам города. О вчерашнем они почему-то не разговаривали, и только, прощаясь, Никитин спросил:

– Вы простили мне вчерашнее?

– Я простила тебя, – сказала Лиля тихо, – и боюсь, что, если это повторится, прощу еще...